

Шедяков В.Е.

(Пере)формирование политических ценностей – предпосылка адекватности нового Сверхпроекта развития особенностям новой эпохи

Развитие и реализация политических ценностей рассматриваются в контексте исторических трансформаций. Становление нового Сверхпроекта развития изучается с позиции стратегического дизайна культурно-цивилизационных миров. Ценностно-смысловое пространство анализируется как важнейший аспект социокультурного капитала. Баланс соотношения общественно весомых традиций и инноваций исследуется как фактор гармонии политических устойчивости и развития. На фоне нового парадигмального скачка рассматриваются вектор изменений и их черты. Делаются выводы о стратегической культуре проведения форсированных преобразований.

Ключевые слова: политические ценности, ценностно-смысловое пространство, культурно-цивилизационный мир, традиции, инновации, Сверхпроект, парадигмальный скачок, стратегическая культура, рефлексивное управление, контрманипулирование.

Розвиток та реалізація політичних цінностей розглядаються в контексті історичних трансформацій. Становлення нового Надпроекту розвитку вивчається з позиції стратегічного дизайну культурно-цивілізаційних світів. Ціннісно-смысловий простір аналізується як важливіший аспект соціокультурного капіталу. Баланс співвідношення суспільно вагомих традицій та

інновацій досліджується як чинник гармонії політичних стійкості та розвитку. На тлі нового парадигмального стрибка розглядаються вектор змін та їх риси. Сформульовано висновки щодо стратегічної культури проведення форсованих перетворень.

Ключові слова: політичні цінності, ціннісно-смысловий простір, культурно-цивілізаційний світ, традиції, інновації, Надпроект, парадигмальний стрибок, стратегічна культура, рефлексивне управління, контрманіпулювання.

Development and realization of political values are considered in the context of historical transformations. The formation of a new super-project of development is studied from the position of the strategic design of cultural and civilizational worlds. The value-sense space is analysed as the most important aspect of sociocultural capital. The balance of the correlation of socially significant traditions and innovations is explored as a factor in the harmony of political stability and development. Against the backdrop of a new paradigm jump, the vector of changes and their features are considered. Conclusions about the strategic culture of forced reforms' conducting are drawn.

Key words: political values, value-sense space, cultural and civilizational world, traditions, innovations, super-project, paradigmatic jump, strategic culture, reflexive management, counter-manipulation.

УДК 323.1

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Те страшные религиозные и династические войны, которые бушевали в Европе на протяжении многих поколений, финансировались за счёт награнных в Америке богатств. Если бы Европа не завладела Америкой, разве могла бы она распространить свое влияние на весь мир? Неужели ты думаешь, что мир, где господствовал ислам или китайская демократия, уничтожил бы себя так, как это сделали мы, – в мире, где каждая нация пыталась стать как можно более европейской?

(О.С. Кард. «Искушение Христофора Колумба»)

Общественная «система жёлтого дьявола» перерабатывает человека в экономическое животное, потребителя и/или стяжателя, легко манипулируемого извне. Опасность оттока знающих и творчески ориентированных кадров и распространения вещизма не менее угрожающая, нежели стремительное обнищание населения, падение ВВП и промышленной продукции, резкое ослабление национальной денежной единицы и становление военно-олигархического государственного механизма. Это обстоятельство когда-то вынудило Аристотеля к кардинальному различению целей и закономерностей экономики и хрематистики, коррелирующих

с совершенно разными ценностными ориентациями и смыслами.

Роль механизмов формирования политических ценностей и их общественные функции анализировали А. Абишева, С. Арутюнов, Л. Архангельский, Э. Афонин, В. Бакиров, О. Балакирева, Л. Баранова, Л. Беляева, И. Борзихина, В. Брожик, Л. Буева, Т. Ветрова, И. Витань, Э. Володин, Г. Выжлецов, Б. Додонов, О. Дробницкий, Н. Дятленко, Л. Дятченко, А. Егорова, А. Здравомыслов, Э. Ильенков, Х. Йоас, М. Каган, В. Каманкин, В. Ковалёв, Л. Колбина, Д. Королёв, А. Коршунов, О. Лушникова, В. Паниотто, Н. Победа, Е. Подольская, Т. Приходько, В. Радаев, К. Рихтаржик, Л. Розин, А. Ручка, В. Сагатовский, В. Тугаринов, С. Хохлявин, Т. Чубарова, Ю. Шайгородский, В. Шилов, Р. Щукина, В. Ядов, Л. Яковлев и др. Изучение места ценностно-смыслового простора в балансе общественно важных традиций и инноваций, а также понимание стратегической культуры поддержания баланса саморегулирующих сил общества и регулирования социально-политических процессов базируется на подходах школ Платона (Аристокла), Аристотеля, М. Армстронга, Ж. Бодрияра, И. Валлерстайна, Б. Гросса,

Р. Дарендорфа, Д. Калаича, Т. Кампанеллы, И. Канта, Р. Мертона, Т. Парсонса, К. Поппера, П. Ромера, П. Сорокина, Э. Тоффлера, И. Фихте, В. Франкла, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Ф. Хайека, К. Ясперса и учитывает идеи А. Аллега, А. Аузана, А. Ахиезера, Л. Беляевой, М. Бунге, Т. Быковой, К. Гаджиева, П. Гончарова, Ю. Громыко, А. Гусейнова, А. Емельянова, В. Зарина, Н. Зарубиной, В. Звиглянича, В. Иноземцева, Н. Козловой, С. Кургиняна, Н. Лапина, А. Леонтьева, А. Малашенко, Г. Мирского, Д. Мисюрова, Л. Нагорной, Э. Паина, В. Пантина, В. Петухова, В. Плахова, Г. Плиссонье, Н. Поляковой, В. Сагатовского, И. Сундиева, В. Толстых, А. Уткина, В. Федотовой, А. Цуладзе, В. Шаповалова, О. Шевниной.

Формирование политических ценностей в процессах социализации и аккультурации индивида интенсифицируется в молодом возрасте во время игры и образования (как не только обучения, но и создания личности), а также с той или иной плотностью охватывает все сферы на протяжении жизни, использование чего существенно влияет на оценку перспектив Украины [1–4]. «Постоянство непостоянства» в межпарадигмальный переходный период делает обязательным не только регулярное переобучение, но и доформирование, а также переформирование политических ценностей, на что активно воздействуют состояние и динамика как общественной психологии, так и идеологии.

Возможности и риски, даруемые человечеству развёртывающимся историческим процессом, включают тренды прогнозируемые и непрогнозируемые, стихийные и целенаправленные, уникальные и закономерные, неуправляемые, самоуправляемые и управляемые, эволюционные и революционные, циклично-волнообразные и необратимо-поступательные (как прогрессивные, так и регрессивные). При этом исключение стихийности из механизма общественного развития, во-первых, невозможно, а во-вторых, не имеет смысла. Стихийность как форма саморегулирования, самоуправления системы в социальной жизни сохранится всегда, да и сама сознательная деятельность в ряде случаев может вызвать непредвиденные, стихийные последствия. Представления об обществе, где абсолютно все сознательно (централизованно) организуется и регулируется и нет места стихийности, утопичны и, в конечном счете, смыкаются с механическим детерминизмом. Тем самым взаимодействие традиций и инноваций создаёт социокультурное пространство (при капитализации общественных отношений принимающее форму социокультурного капитала) и вырабатывает доверие между контрагентами вокруг зиждущихся в толщах общественной психологии и идеологии базовых для культурно-цивилизаци-

онных миров ценностно-смысловых комплексов. Ядром (пере)формирования социокультурного пространства становятся ценностно-смысловые комплексы – духовно-нравственные и мировоззренческие структуры, включающие в себя социальные элементы как кросскультурные, так и специфические для каждого конкретного культурно-цивилизационного мира; содержание которых тесно связано с особенностями ценностных иерархий при реализации ценностных коррелятов в системе оценки. Одним из ведущих факторов становления социокультурного простора является Сверхпроект развития, рождающий чувство сопричастности и гордости за совместные общественные свершения, а также позволяющий как найти своё место в нём, так и осуществлять развитие своих сущностных сил [5–9]. При этом общественный Сверхпроект консолидирует «дух эпохи» и определяет субъектность изменений, а социокультурная общность как целое становится субъектом рефлексивных отбора вариантов и оценки социального поведения. Внутренняя структура культурно-цивилизационных миров определяется исторической чередой Сверхпроектов, сосредотачивающих в себе сущность их порывов исторического творчества. Причём именно ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, переходя в матрицы ментальных кодов народов, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, определяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Соответственно, на их основе появляется возможность уточнить модель развития и создать более органичное представление о желаемом.

Так, с одной стороны, всякие попытки заставить базовые основания культурно-цивилизационного мира измениться ведут к повышению непроизводительных расходов ресурсов (включая человеческий ресурс), а то и превращению в строительный элемент иных культурно-цивилизационных миров. Результаты их оказываются неэффективными и часто сметаются в ходе дальнейших общественных трансформаций. Напротив, эффективным путём трансформаций становится направление, связанное с поддержкой перспективных форм развития для укоренённых ценностно-смысловых комплексов, базирующихся на них принципах, укладах и подходах. Органичное развитие общества при этом связано с доминированием в его социальном капитале черт интеграции, а не разобщённости; на основании согласования, а не подчинения интересов общественных групп.

С другой стороны, вызревание постглобальных и постиндустриальных тенденций развития постсовременности испытывает на излом каждый из культурно-цивилизационных миров радикальностью социально-экономических трансформаций

и уровнем вставших перед обществом (и, соответственно, обществоведением) задач. Вместе с тем, уже недостаточная глубина первичных абстракций может повлечь за собой сужение получаемых в процессе восхождения от абстрактного к конкретному как теоретических, так и практических рекомендаций. Основой регулярного получения непредусмотренных (отличных от декларируемых) результатов может быть не только своекорыстность, расхождение интересов коренных народных и элитных групп, но и неумение осуществлять стратегическое управление институциональными трансформациями на основе постсовременного диапазона инструментария прогноза и преобразования.

Вместе с тем, рефлексивность управления процессами и тенденциями общественной жизни коррелирует с особенностями постсовременности как среды моделей и практик формирования черного наброска будущего, создания его замысла и выявления намерения, наиболее обостренно проявляясь именно в период форсированных трансформаций. Существо же происходящего парадигмального перехода связано с перерастанием стадийного (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Так, в частности, основными чертами, определяющими диапазон как наметившихся стратегических трансформаций, так и воздействия на них, становится переход:

- от экономики простого труда к экономике уникального творчества;
- от экзогенного количественного роста к эндогенному качественному развитию;
- от доминанты материального к духовно-нравственному и интеллектуальному;
- от формационного к неформационному;
- от обмена на основе сравнения товаров к обмену на базе сопоставления способностей;
- от дихотомии демократии/автократии к меритократии;
- от концептуальной открытости к признанию права на самооценку и обособленности культурно-цивилизационных миров;
- от космополитизма/национализма к регионализму и стратегическому партнёрству;
- от навязывания единства шаблонов глобализма к постглобальному разнообразию.

Ныне осуществляются изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих моделей жизнедеятельности и развития, культурной среды, отношений и структур. При этом значимым фактором участия, культурно-цивилизационного мира и конкретного предприятия в развитии общественного климата становится трансформация маркетинговой стратегии («реализуй то, что произведено» – «производи то, что нужно рынку» – «производи то, что требует

рынок, делая это лучше, чем конкуренты» – «производи то, что требуют конкретные рыночные сегменты» – «производи то, что нужно конкретному потребителю») и увеличение диапазона средств воздействия на состояние и тенденции изменения потребителя, прежде всего, неценовыми факторами конкуренции (за счет брендинга, формирование моды и т.д.). Повышение интенсивности международных коммуникаций и степени взаимозависимости происходит при переплетении тенденций к социализации и индивидуализации в жизни общества [10–14].

В рамках этого парадигмального скачка от волн прогресса и циклов «прогресс – регресс» человечество переходит к необходимости постоянного состояния модернизации и превращения циклов развития в его внутреннюю характеристику при разворачивании рефлексивности её проведения обществом [15–20]. Стратегический дизайн этого парадигмального перехода акцентирует интеллектуальную составляющую жизнедеятельности. Переход к постсовременным ресурсно-методологическим базам рефлексивного управления и моделям стратегического дизайна, усиление роли анклавов «умного общества», «информационный взрыв» воздействуют на соотношение возможностей и факторов осуществления, реактуализируя как творческие (прежде всего, научно-интеллектуальные) возможности культурно-цивилизационных миров, так и устойчивость их базовых ценностно-смысловых комплексов, а также умение ими распорядиться, их защитить, активизировать и нарастить, в частности посредством социокультурного пространства. Одновременно уже и само человечество превратилось в фактор, соизмеримый с мощью всей Природы.

Закон неравномерности исторического развития характеризует «зигзаги истории», на которых одни «обгоняли, не догоняя» других. Вместе с тем, кто забывает о своём прошлом, расплачивается будущим. Да и учиться лучше на ошибках, совершаемых другими. Черты постглобализма и постсовременности выносят на авансцену исторического творчества народы, обеспечивающие наиболее полное выявление и общественно полезное раскрытие одарённости каждого. С одной стороны, повышение ёмкости внутреннего рынка, подъём экономики спроса, связанный с ними рост благосостояния населения и улучшение демографической ситуации – необходимость устойчивых жизнедеятельности и развития культурно-цивилизационного мира. С другой стороны, как укрепление социокультурного основания экономического прогресса, базирующееся на особенностях коллективного бессознательного и воплощённое в базовых ценностно-смысловых комплексах, социальном наследии, народном опыте, так и расширение участия в управлении (тем самым

усиливающим черты самоуправления) широких масс тружеников является неотъемлемой предпосылкой долговременных позитивных трендов в трансформациях [21–25]. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, новые же горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует общественно полезной реализации творческого потенциала каждого. Соответственно, уровень реализации прав человека, качество его жизни, возможности творческой самостоятельности и самовыражения – принципиальные завоевания социального прогресса, его неотъемлемые черты. В этих условиях отказ от идеологии социального государства мог бы привести не только к утрате трудового (в частности, научно-интеллектуального) потенциала, ослаблению заинтересованности работников, но и к подрыву социокультурной базы общественного согласия и социально-экономического развития. При этом представления об обществе и государстве общего процветания (благополучия) сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует не на скопление разнообразных социальных изживенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества с приоритетом прав и свобод человека; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Настройки государственного управления дополнительно напоминают о наличии трёх главных измерений: обеспечения индивидуальных и прав человека, подъёма социально-экономического благосостояния и политического сознания. Эти направления взаимосвязаны, при этом, например, высокий уровень культуры вложений в образование и профессиональную подготовку, науку, здравоохранение и социальное обеспечение работников – неотъемлемая черта (само)управления, превращения человеческого потенциала в человеческий фактор модернизации.

Соответственно, страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Гуманность, человечность закономерно приоритетнее любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге,

то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор – пока не покушаются на выбор других. Вместе с тем, надёжно мотивировать не страхом или корыстью, а интересом/любопытностью, любовью/надеждой можно лишь с опорой на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира. При том из каждого вида модели (традиционной, современной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику соответственно как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и динамике трансформации. Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных общесоциальных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Дифференциация и усложнение структуры постглобального мира позволяет создавать крайне разнообразные модели достижения и поддержания конкурентоспособности, достижения культурно-цивилизационным миром успеха в обеспечении и качества/осмысленности и условий человеческой жизни, и созидании своего материального и духовного социокультурного наследия. Каждый волен отбирать в окружающем: актуальном и отзвуках ушедших и приходящих эпох то, что внутренне близко ему; нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять чужие принципы и подходы, кроме собственных. При этом не просто создаются основания, точки конденсации роста общественности и гражданственности, но формируются социально значимые мотивации действий/бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил общества, структурируется и упорядочивается социальный хаос.

В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимумы, как солидарность, взаимоуважение, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Усиливаются процессы соизмерения друг другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности, мыслетформам) и образам приходят превращённые (преобразованные), вобравшие в себя элементы иной истории и отражающие черты новых носителей.

Прогресс как фундаментальная характеристика общественных трансформаций отнюдь не сводим к сумме инструментальных подходов, применяемых для освоения и создания среды обитания. Он – способ жизни и деятельности,

имманентный достигнутой эпохе развития цивилизации. Рассматриваемый с таких позиций прогресс выступает не столько инструментом продвижения к определённому рубежу эволюции региона, сколько порождением уровня развития культуры общества. Общественный регресс можно обозначить как нисходящую линию развития в социальных процессах, выражающую понижение уровня их организации, попятное движение или застой, разложение, распад общественного организма. Отсюда критерий регресса можно видеть как в снижении уровня развития материального производства, социально-экономических отношений, устойчивом замедлении его темпов роста, так и в ограничении развития духовной культуры (например, идеологических матриц), а, следовательно, и самой человеческой личности. При этом причины регресса могут лежать как в самом явлении, так и вне его (кризисные моменты в способе производства, системе политических отношений, общественной морали, абсолютизации каких-либо идеологических принципов или насильственное воздействие, порабощение одного народа другим). Вместе с тем намеренное, целенаправленное искажение информационного поля путем распространения специально подготовленной информации может кардинально изменить направление общественного развития, и сбить развитие общества с темпа, а также разрушить систему его безопасности. Соответственно, все сообщества пытаются и защититься от проникновения недобросовестной информации, и нарастить свои системы контрпропаганды. Защита наиболее эффективных для своего культурно-цивилизационного мира вариантов обеспечения безопасности и развития предполагает опору как на создание общей социокультурной среды, так и на оформление точек прорыва к необходимым анклавам соединения традиций и инноваций, как на системные, так и на внесистемные элементы. В этом контексте контрманипуляция – использование набора средств, ресурсно-методологических баз для предотвращения, локализации или ликвидации нежелательных воздействий, прежде всего, попыток внесения негативных вирусов в общественное сознание (в частности, за счёт разнообразного искажения информационного поля). В свою очередь, тенденции к становлению в глобальном масштабе общества знаний усиливают значение интеллектуальной составляющей производительных сил, повышают востребованность творческой активности и информационной гибкости. Это создает предпосылки расширения диапазона воздействий в духе окна Овертона с обеспечением плавного сдвига восприятия вносимых подходов от неприемлемых к привлекательным, воспринимаемым как естественные, через стадии от возмущения к признанию

и превращению в норму с формированием новых комплексов традиций, идеологий и мифов, что, в свою очередь, повышает требования к социально-экономической регионалистике для создания продуктивного трансформационного вектора и эффективного применения принципов и механизмов осуществления публично-приватного партнерства при глобальных тенденциях к усилению структурирующего значения общества знаний и многоярусности хозяйствования. Так что обеспечение приемлемых позиций, тем более, достижение долгосрочного лидерства на определённом уровне ориентируют на эндогенные модели социально-экономического развития и прагматичное использование международных отношений. Вместе с тем регресс в одном может стимулировать прогресс в другом. Регресс в частном оказывается элементом прогресса в целом. Да и сама антитеза прогресса и регресса, свободы и отчуждения подвижна. Бунт против косности, «порыв к свету» тоже может быть основан на отрицательной моральной силе. Под покровом одних идей легче скрываться ворами, других – краснобаям или певцам насилия. Более ёмкие потоки мировоззрений, как правило, предоставляют и более широкие возможности интерпретаций. А что разрешается в мире идей, потом осуществляется и в мире реальном (с переходами в духе, например, окна Овертона). Вместе с тем, безусловно, крайне трудным оказывается, находясь внутри самой ткани социальных преобразований, определить (не с сиюминутных и групповых эгоистических, а с гораздо более широких позиций), какая из ветвей живая, какая – мертвая, где прогресс, а где – регресс. Вместе с тем, неблагоприятные тенденции могут складываться как из-за запаздывания с переменами, так и из-за поспешности с ними. С одной стороны, зачастую социально важным инновациям тяжело преодолеть инерцию процессов. Конгрессмен Э. Фейган признал: «Я думал, что уж в конгрессе-то смогу что-то предпринять. Вроде бы и должен, а на самом деле ничего не можешь. Слишком многие из нас боятся и пальцем шевельнуть» [26, с. 74]. С другой же стороны, широко известны и прецеденты долгожданных и достаточно продуманных реформ сверху, торпедированных авангардизмом радикалов. Между тем, каждый этап социальной эволюции открывает (наряду с прочими) и потенциально оптимальный сценарий, который часто отвергается при самом деятельном участии прогрессивных сил (жаждущих прищипорить исторический процесс). Избранный в результате скачкообразный путь становится дорогой утрат и разочарований либо в виде объективно неизмеримо худшей модели того же эволюционного развития, либо в качестве самой революционной ломки всего, оставляющей за собой пепелища и раздор. Тогда как органично и постепенно нака-

пливающие изменения в развитии народы спойно проживают в то же время очередные этапы трансформации, уходя далеко вперед и сохраняя национальные ресурсы.

Органичный прогресс общества, не вызывающий разрушения общества и/или не запускающий в нём потенциально доминирующих отрицательных трендов, базируется на созданных самобытно (инновационных для человечества), а не имитационно-подражательных формах социального общежития. Органичный прогресс является целостным явлением, включающим различные пласты, прежде всего, ценностно-культурный, социально-экономический и технико-технологический. Целостность состояния прогресса, базирующаяся на переплетении своих общественно значимых традиций и инноваций культурно-цивилизационного мира позволяет ему компенсировать, локализовать и/или заменять инвалидные связи. Таким образом, гармония общественно значимых традиций и инноваций проявляется в исторически эффективном саморегулировании и саморазвитии. Инновационный процесс, основанный на творческом подходе к работе, вообще требует инициативного, высококвалифицированного, высокомотивированного работника, который систематически привлекается к принятию управленческих и технологических решений. Вместе с тем, сокращения разрыва между уровнями социального развития и экономического роста, овладения позитивных перспектив общества знаний и увеличения роли соответствующих ценностно-смысловых комплексов невозможно устойчиво достичь без целенаправленной политики повышения уровня взаимодействия регионов и корпораций. В развитии же и активизации научно-интеллектуального комплекса существует и масса разнообразных составляющих, предполагающих самостоятельный анализ, и своеобразии общих методов стимулирования труда и управления деятельностью. Их наложение друг на друга и диапазон возможностей применения, особенно в условиях пересечения моделей постсоциалистических и постиндустриальных преобразований требует использования кумулятивности усилий слоёв общества. Вместе с тем, цели и миссии трансформации значимо меняются при их смене. Органичное социально-экономическое развитие связано с доминированием в социальности черт интеграции, а не разобщённости; вместе с тем на основании именно согласования, а не подчинения конкретных интересов общественных групп. Это предполагает обязательность укоренённости в его постоянно воспроизводящихся особенностях, сводимых в ценностно-смысловые комплексы.

Соответственно, если знания – важнейший ресурс качества жизни и преуспевания, а интеллектоёмкость производства – необходимость обе-

спечения конкурентоспособности, то обеспечение состояния, расцениваемого народом как справедливое, нравственное сегодня – обязательное условие сохранения жизни и культуры, доверия как основы сотрудничества и кооперации. Гуманизация общественной жизни вызывает к жизни массовый перенос центра тяжести организационно-управленческих отношений от директивного администрирования к стимулированию желательных изменений, учитывающему особенности ценностного управления, общественно оправданного и социально ответственного рефлексивного управления [27–35]. Интеллектуальное и нравственное измерения общественной жизни и хозяйственно-производственной деятельности формируют как качество фундаментально-методологического фундамента, так и напряжённость творческого поиска. Вместе с тем научно-интеллектуальный потенциал становится общественным богатством только при своей актуализации.

Действие же закона неравномерности исторического развития приводит к постоянной смене лидеров развития в ойкумене, изменяя представления о должном и желательном (в частности, в организационно-управленческих отношениях). При этом, с одной стороны, история полна зигзагов общественной жизнедеятельности культурно-цивилизационных миров, демонстрирующих неравномерность их развития и опору на разные комбинации факторов политико-экономического успеха, возможность «обогнать, не догоняя». С другой стороны, хорошо известны и случаи, когда культурно-цивилизационные миры отказывались от дальнейшего развития в пользу сохранения существующего. Вместе с тем, участие в любых внешних проектах (в том числе интеграционных) – это, разумеется, не самоцель, а лишь средство: стабильного качества жизни, обеспечения возможности самостоятельно принимать решения, руководствуясь глубинными интересами своего народа. Соответственно, кардинальный выбор в переборе моделей и сценариев остается связанным с пониманием и реализацией приоритетов истинных, а не декларируемых. Легко скатиться к «мировому селу», став донором ресурсных баз (от природных ископаемых до человеческих ресурсов), выбрав участь обслуживающей мировые центры периферии. Одновременно происходит тотальная бюрократизация и милитаризация ведущих сторон общественной жизни с нарастающим разрывом между уровнем жизни основной части населения и «избранных», а также засильем иностранцев. Альтернативная модель предполагает ставку на сохранение, развитие и актуализацию своей ресурсной базы для реализации эндогенных моделей прогресса. Так, при диффузии социокультурных институций эффективным при заимствовании оказываются изучение и ана-

лиз логики появления идеи конкретного подхода или механизма, а не попытки автоматического перенесения удачной в конкретной среде схемы. Вместе с тем технологические новшества при старых общественных отношениях бесполезны, могут породить неопределённость, inferнальность, хаос; появляется парадоксальность, иррационализм, спонтанность как черта общества в столкновении рациональных и традиционных культур. Эффективной стратегией оказывается не попытка культуртрегерского переноса чужих шаблонов, «модернизации насильно» (результаты которой заведомо затратны, непрочны и сметаются ходом истории в дальнейшем), а подбор прогрессивных форм имеющимся привычкам и традициям, «вписывание» их в контекст инноваций.

Причём в условиях непривилегированных регионов возможности постглобализма накладываются на контрмодерн «нового средневековья» с откатом в агрессивный антиинтеллектуализм, мистику и суеверия. При этом отрыв лидеров от обираемой ими оставшейся части мира нарастает – и это тоже становится условием успеха лидеров. Соответственно, при существующей системе контактов выезд одарённых исследователей: преподавателей и студентов, а также дистанционное предоставление ими научно-образовательно-производственных услуг тем, кто в состоянии их оценить, – становится одной из существенных форм международных экономических отношений. Нынешний разрыв в уровнях развития доминирующих и отстающих стран таков, что шансы последних при полной открытости хозяйства сводятся к получению статуса обслуживающей экономики и ресурсной базы (в том числе, трудовых мигрантов). Вместе с тем, для некоторых элементов хозяйственной структуры именно закрытость и является фактором фиксации отсталости. Баланс составляющих открытости и закрытости, возможностей пострыночного механизма и публично-приватного взаимодействия предусматривает формы сочетания энергии частной инициативы и предпринимательства с гибким государственным регулированием. Вместе с тем дело здесь не в «национальных особенностях» как таковых (они присущи каждому государству), а в масштабе и уровне ранее достигнутого индустриального развития, ранее созданном богатом научно-промышленном потенциале, качестве общеобразовательной и профессиональной подготовки кадров и месте постсоветского пространства в общей архитектонике геостратегического баланса.

Сложившаяся ситуация конвертирует вопрос конкретизации представлений о социальном государстве в плоскость качества стратегического управления, субъектности перемен. Главным фактором успеха при реализации рефлексивно-

управленческих технологий прорывного уровня становятся гибкость, мобильность, восприимчивость, умение быстро адаптироваться к изменениям хозяйственной конъюнктуры, прежде всего, за счёт качества отношений, гармонии и соборности социокультурного пространства. Природа рефлексивного управления требует внимания и учёта качеств не только объективной, но и субъективной составляющей исторического процесса, в частности, деятельных участников и колеблющихся, актива и пассива происходящего, союзников и противников, их структурной и функциональной определённости. Тем самым оптимальное развитие социально-политических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые, можно изменить положение всей цепи общественного организма. В постсовременных условиях проведения рефлексивной модернизации реализация противоречий фокусируется в выборе между глубокой несправедливостью в распределении возможностей использования наличных и потенциальных ресурсных баз (прежде всего, в формах олигархата) и механизмами народного контроля, поддерживающими равновесие людей и равнодоступность общественных благ. Постсовременное взаимопересечение признаков постиндустриальности и постглобализма и восстанавливает уже во всемирном масштабе эффект агоры, и усиливает искус задеирования манипуляций для получения результата и обеспечения трансформаций, расцениваемых как выгодные. Безопасность и развитие общества обеспечивается функционированием контуров координации и самоуправления, качество которых предопределяет характер ответов социальной целостности на внутренние и внешние вызовы. Таким образом, залогом успеха в использовании открывающихся новыми парадигмальными трансформациями перспектив становятся управленческие композиции, представляющие собой комплексные инновационные решения по освоению эффективных организационно-управленческих моделей в данных конкретных условиях. Как известно, традиционная культура аграрного общества реализовывала основную функцию управления хозяйственной деятельностью в рамках формулы «делай так, потому что так делалось до тебя». В индустриальном обществе с культурой модерна генерализующим направлением хозяйственного управления было «делай так, потому что это рационально». Для постиндустриального региона характерен подход «делай так, потому что это эффективно». Причем эффективными для региональных хозяйственных систем могут быть самые разные парадигмы осуществления управленческих композиций. Культура постмодерна постиндустриального общества является принципиально открытой,

деидеологизированной, ненасильственной и базируется, скорее, на развитии своих преимуществ, а не устранении отличий, подчас воспринимаемых как недостатки. Соответственно, предельно важным становится не столько войти в общую колею, «ликвидировать отставания», сколько «сохранить и нарастить свои конкурентные преимущества», создав на их базе как благотворную социокультурное пространство, так и кластеры подъёма.

Исторический процесс требует постоянного поддержания баланса общественно важных традиций и инноваций, что обеспечивается структурой верениц Сверхпроектов культурно-цивилизационных миров. Единство и органичность процесса формирования и переформирования политических ценностей – необходимость оптимизации социально-политического развития и обеспечения общественной безопасности. Качество и своевременность обеспечения обществом и государством (пере)формирования политических ценностей – условие эффективного расширения диапазона использования возможностей эпохи при уклонении от свойственных ей опасностей.

Осуществление каждой новой социально-политической модернизации парадигмального уровня и исторического масштаба предполагает восстановление такого баланса в формах, адекватных изменившимся условиям.

Какие именно общественно важные инновации вырабатываются или адаптируются в социально-политическом пространстве культурно-цивилизационных миров, во многом зависит от базовых и доминирующих ценностно-смысловых комплексов, взаимно формирующих общественные уклады и традиции, обоюдной их комплиментарности или взаимного отторжения. Ход и результат духовного врачевания зависят, прежде всего, от готовности излечиться или же обречь себя на смерть, а также умения и намерений врача. Вместе с тем целостность общественного организма зависит как от свойственных ему иммунных характеристик, так и от системности направленного контрманипулирования.

Механизм возникновения и распространения общественно важных инноваций коррелирует с продуцированием институтов власти и управления, ныне – с реализацией потенциала рефлексивного управления, прежде всего, при стимулировании желательных изменений, культивировании их среды и кластеров.

Диапазон, глубина, сроки, ограничения и последовательность эффективного целенаправленного влияния на процесс трансформирования общественных инноваций зависят от их близости наличным традициям и базовым ценностно-смысловым комплексам культурно-цивилизационных миров. Соответственно, возрождение в новых формах базовых ценностно-смысловых комплексов

неотъемлемо от сохранения и развития культурно-цивилизационного мира.

Попытки навязать социально-политические формы, несущие в себе потенциал слома самобытных форм базовых ценностно-смысловых комплексов либо опровергаются последующим ходом истории, либо адаптируются новым слоем иррациональных отношений (когда сходная внешность скрывает разницу содержания), либо ведут к превращению в строительный материал другого/других культурно-цивилизационного мира/миров.

Дальнейшее научное осмысление темы связывается со специальным рассмотрением особенностей динамики объективно-субъективных характеристик трансформаций в переходный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шедяков В.Е. Украина в контексте логики постмодерна / В.Е. Шедяков // Вибір. – 1998. – № 1–2. – С. 52–57.
2. Шедяков В.Е. Культурно-цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 46–66.
3. Шедяков В.Е. Полілог як простір стратегічної конкуренції між культурно-цивілізаційними світами / В.Е. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 8. – С. 151–155.
4. Шедяков В.Е. Стратегическое управление как фактор постглобальной конкуренции / В.Е. Шедяков // The global competitive environment: development of modern social and economic systems: Proceedings of the International Scientific Conference. – Moldova state university, Faculty of economic sciences. – Chisinau, Republic of Moldova, 2017. – P. 53–55.
5. Серебрякова Г.В. Процесс ценностного управления / Г.В. Серебрякова, И.В. Незамайкин. – М. : Lambert Academic Publishing, 2013. – 380 с.
6. Шедяков В.Е. Життєві цінності населення в контексті перспектив модернізації країни / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2012. – № 1–2. – С. 11–20.
7. Шедяков В.Е. Ціннісно-сміслові комплекси у створенні та підтримці суспільного середовища соціокультурної мобілізації / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 78(11). – С. 247–252.
8. Шедяков В.Е. Актуализация ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции / В.Е. Шедяков // Государство и общество в современной политике: Сборник статей. – Воронеж : Научная книга, 2013. – Выпуск 1. – С. 158–168.
9. Шедяков В.Е. Мегапроект як умова існування країни / В.Е. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2012. – № 1-2. – С. 50–60.
10. Калаич Д. Третья мировая война / Д. Калаич. – М. : Литератор, 1995. – 156 с.
11. Engdahl F. W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order / F. William Engdahl. – Pluto Press, 2004. – 312 p.

12. Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР / П. Швейцер. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. – 304 с.
13. Шедяков В.Е. Геостратегія сорозвитку: ціннісно-сміслові комплекси як основа взаємодій культурно-цивілізаційних світів / В.Е. Шедяков // Вісник Дніпропетровського університету. – Серія Філософія Соціологія Політологія. – 2015. – № 2. – С. 217–229.
14. Шедяков В.Е. Формирование умного общества и расширение оснований контрманипулятивных практик / В.Е. Шедяков // Час вибору: виклики інформаційної епохи / заг. ред. О.А. Івакіна, Д.В. Яковлева. – Одеса : Гельветика, 2016. – С. 196–216. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://kubg.edu.ua/.../2/M_Sanakuiev_Title_KM_C24.PDF.
15. Авилов А.В. Рефлексивное управление. Методологические основания / А.В. Авилов. – М. : ГУУ, 2003. – 174 с.
16. Шедяков В.Е. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50–73.
17. Бирштейн Б.И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах / Б.И. Бирштейн, В.И. Боршкевич // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 27–44.
18. Шедяков В.Е. Стратегия постсовременного взаимодействия: методология и ресурсная база дальнейшего совершенствования / В.Е. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – Вип. 119. – С. 34–52.
19. Шедяков В.Е. Якість соціального управління як чинник національної безпеки / В.Е. Шедяков // Стратегічна панорама. – 2009. – № 1. – С. 39–43.
20. Шедяков В.Е. Зміна ролі, методології та ресурсних баз наукової рефлексії як чиннику реалізації та використання ціннісно-сміслових комплексів в інформаційних обмінах стратегічного рівня / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2015. – Вип. 92(1). – С. 174–183 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://nbuv.gov.ua/_j-pdf/gileya_2015_92_44.pdf.
21. Шедяков В.Е. От постсовременных трансформаций к постиндустриальному уровню производственной демократии / В.Е. Шедяков // Матер. XXXIII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной проблемам общественных наук: сб. со статьями. – М., 2015. – С. 102–105.
22. Шедяков В.Е. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління / В.Е. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2013. – № 1-2(57-58). – С. 42–51.
23. Шедяков В.Е. Парадигмальный переход в теории и на практике: стратегический дизайн форсированных трансформаций / В.Е. Шедяков // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. – Сер. Економічні науки. – 2017. – Вип. 23. – Частина 1. – С. 54–58.
24. Шедяков В.Е. Стратегічний організаційно-управлінський дизайн соціально-економічних точок розвитку суспільства / В.Е. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 12. – С. 13–18.
25. Шедяков В.Е. Воплощение идей социального государства: утопия или необходимость, позади или впереди? / В.Е. Шедяков // Первый независимый научный вестник. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 44–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.firjournal.com.ua>.
26. Аллег А. SOS, Америка / А. Аллег. – М. : Прогресс, 1987. – 272 с.
27. Марача В.Г. Управление общественными изменениями: синтез рефлексивного и институционального подходов / В.Г. Марача // Рефлексивные процессы и управление. – 2008. – Т. 8. – № 2. – С. 44–65.
28. Шедяков В.Е. Управління суспільними процесами: методологічні можливості й обмеження / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2013. – № 55. – С. 157–166.
29. Шедяков В.Е. Здійснення бажаних трансформацій соціально-інформаційних систем: постсучасні методологія та онтологія / В.Е. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 1(16). – С. 80–87.
30. Шедяков В.Е. Конкуренція смислів і протистояння стратегій соціально-інформаційних систем / В.Е. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 2(17). – С. 109–114.
31. Шедяков В.Е. Тенденции создания постиндустриальных отношений и стимулирование желательных трансформаций / В.Е. Шедяков // Актуальные проблемы науки XXI века: Матер. I Междунар. науч.-практ. конф.: сб. статей. – М., 2015. – Ч. 2. – С. 183–187.
32. Шедяков В.Е. Использование ценностно-смысловых комплексов в создании управленческих композиций на основе постиндустриальных трансформаций трудовых отношений / В.Е. Шедяков // Корпоративное управление: процесс, стратегия, технология / заг. ред. К.С. Шапошникова та ін. – Херсон : Гельветика, 2015. – С. 260–295.
33. Шедяков В.Е. Ценностные основания национальных моделей социально-экономического развития / В.Е. Шедяков // National Economic Reform: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. – Kielce, Poland : Baltija Publishing, 2016. – Vol. 2. – P. 164–190.
34. Шедяков В.Е. Соціокультурні підвалини стимулювання інноваційної економіки / В.Е. Шедяков // Innovations in the development of socio-economic systems: microeconomic, macroeconomic and mesoeconomic levels / ed. by J. Zukovskis, K. Shaposhnykov ; Aleksandras Stulginskis University, Business and Rural Development Management Institute. – Kaunas, Lithuania : Baltija Publishing, 2016. – Vol. 2. – P. 83–97.
35. Шедяков В.Е. Гуманизация социальных отношений средствами публично-privатного партнерства в процессе становления умного общества / В.Е. Шедяков // Personality Development In the Age of Globalization. – USA, Morrisville : Lulu Press., 2016. – P. 46–50.